

DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001

ОСЕТИНСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ О КУРТАТИНЦАХ: ГЕНЕЗИС, ПЕРЕВОД, ИСПОЛНЕНИЕ

Д.В. Сокаева
Е.Б. Дзапарова
Д.М. Дзлиева

Фольклор любого народа представляет собой сложную систему устного словесного творчества, которая взаимодействует с другими системами духовной жизни, такими как литература, общественная и политическая жизнь общества и т.д. Произведение фольклора бывает инкорпорировано в процесс жизни / проживания народа естественно, может быть введено для широкого пользования через письменное слово (литература, СМИ, научные сборники текстов фольклора) и сценическое исполнение. Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть перевод историко-героической песни о куртатинцах, сделанный Гагудзом Гуриевым; сравнить его с вариантом историко-героической песни о куртатинцах, зафиксированной Гуриевым, выступающей в качестве контекста; выявить основные переводческие принципы и стратегии, к которым может прибегать переводчик в ходе работы над переводом фольклорного текста. Впервые проведена текстологическая поисковая работа в Научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ), найдены варианты текста анализируемой песни, подробно рассмотрен текст перевода песни на структурно-содержательном уровне. Историко-героическая песня – жанр осетинского фольклора, который отвечает не только за передачу определенной информации, но и обозначает собой важность описываемых событий, прославляет героев в веках. Говоря о функционировании фольклорного текста в целом в культуре, следует подчеркнуть, что в настоящее время «Песня о куртатинцах» (хоть в каком-то варианте) не исполняется фольклорными любительскими или профессиональными коллективами. В дальнейших своих размышлениях в ходе экспедиционной работы мы ставим перед собой задачу выяснить – бытует ли она еще в собственно фольклорной среде. Исследование может быть применено для составления указателя Фонда фольклора НА СОИГСИ им. В.И. Абаева и других научных и гуманитарных целей.

Ключевые слова: осетинский фольклор, Гагудз Гуриев, историко-героическая песня, «Песня о куртатинцах», вариант, перевод.

Для цитирования: Сокаева Д.В., Дзапарова Е.Б., Дзлиева Д.М. Осетинская историко-героическая песня о куртатинцах: генезис, перевод, исполнение // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 47(86). С. 99-113. DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001

Историко-героические песни являются высшей формой развития осетинского народного мелоса. В них выражены нрав, честь, достоинство, отвага, по ним «можно восстанавливать многие забытые и полузабытые страницы региональной и российской истории» [1, 21]. По свидетельствам различных исследователей историко-героиче-

ские песни были излюбленным музыкальным жанром осетинского народа. Так, по мнению С.В. Кокиева, «поэтический талант осетина проявляется в массе песен, слагаемых на каждый более или менее выдающийся факт из их жизни» [2, 86]. В прошлом историко-героические песни исполнялись во время различных мероприятий:

общественных советах, общефамильных и семейных празднествах. Осетинские историко-героические песни имеют древние корни, берущие начало от мужского плача. Благодаря им осетины смогли сохранить не только историческую, но и этническую память народа. В поэтике этих песен находят отражение различные события и довольно часто беспристрастная их оценка. Историко-героические песни являются одним из самых привлекательных для исследователей жанров осетинского фольклора [3; 4], тем не менее в области изучения историко-героических песен осетин есть еще много пробелов. Так, до сих пор подробно не изучены поэтические, музыкально-стилистические и ладо-гармонические особенности данного жанра. Некоторые теоретические работы встречаются лишь у К.Г. Цхурбаевой [5; 6], Ф.Ш. Алборова [7].

Исследователи не раз обращались к проблеме презентации фольклорного текста в культурном пространстве, а не только ввода в научный оборот. Как правило, фольклорный текст в обоих случаях требует перевода, а в первом случае он должен отвечать требованиям как этнографичности, так и художественности.

Цель исследования – рассмотреть перевод историко-героической песни о куртатинцах, сделанный Г. Гуриевым, в фольклорном контексте; выявить основные переводческие принципы и стратегии, к которым может прибегать переводчик в ходе работы над переводом фольклорного текста.

Большая заслуга в деле сбора, систематизации, обнаружения на

русском языке произведений устного творчества осетинского народа принадлежит научной и творческой интеллигенции (А. Шифнер [8], В. Миллер [9], В. Пфафф [10; 11], Г. Шанаев [12], Г. Дзагуров [13, 14] и др.). Собранный фольклорный материал хранится в Научном архиве СОИГСИ им. В.И. Абаева (далее – НА СОИГСИ). Благодаря переводческой деятельности достоянием русскоязычных читателей стал разножанровый фольклор осетинского народа: нартовский эпос, сказки, песни, малые жанры, устные рассказы, легенды и предания.

Исследователи не раз обращались к проблеме перевода фольклорного текста [15; 16; 17; 18]. Исходя из анализа литературы, можно сказать, что правомерны различные виды перевода фольклорного текста в зависимости от назначения этих переводов.

Перевод «Песни о куртатинцах», предпринятый известным осетинским просветителем, педагогом, собирателем устного народного творчества, переводчиком Гагудзом (Михаилом) Кавдиновичем (Николаевичем) Гуриевым (1878-1928) [19, 41–51; 20, 187–197] и найденный нами в НА СОИГСИ, является результатом его намерений ввести в культурное пространство не только Осетии, но и России текст известной в народе фольклорной песни. Предполагается, что найденный текст мог быть переводом на русский язык раннее зафиксированного варианта одноименной песни, к сожалению, утраченной со временем. Гагудз Гуриев прекрасно знал осетинский фольклор, зафиксировал много произведений устного народ-

ного творчества, в их числе три варианта песни о куртатинцах¹.

Приведем часть текста одного из вариантов фольклорной песни о куртатинцах («Куырттаты зарæджы ныхæстæй»):

«Куырттат æрæмбырд сты Дæллагхъæуы агъуыст-ныхасмæ.

Уынаффæ кæнын байдидтой æмæ загътой:

– Фæцæуæм нæ цытджын паддзахмæ æмæ базонæм, цы цæстæй нæм кæсы, уый. Фæлæ нæ замана уый у, æмæ хъулон гæххæтты кæй нæ зонæм.

Мамиаты Бидеиы фырт Хъарадзаумæ фервитæм, зæгъгæ, загътой.

Цымытийæ дæр ма исчи куы уайд, зæгъгæ, æмæ сын сразы Калманты Ацæмæз.

Уый загъта:

– Æз фæцæудзынæн куырттатимæ.

– Уæдæ, афтæ нæу. Чи зоны, хъыгдарæг нæ куы уа, мыййаг? Барджытæ скæнæм, чи нæ цы мигæнæг уыдзæн ахæм рæстæг? Паддзахимæ ныхасгæнæг нын Богъаты Ислам фæуæд, йæ дзыхы ныхас топпы хъæр кæмæн кæны.

Хосæй ифтындзыны тыххæй рæвдздæрæн равзæрстой Калманты Ацæмæзы.

Хъазуаты бацæуыны тыххæй загътой Цæлыккаты Дзаджейæн.

Уæрдæттæ хъахъхъæнын Къаболаты бар бакодтой.

Цæлыккаты Майрæмысау кæсгонау кæй зыдта, уымæ гæсгæ йæ тæлмацæн равзæрстой.

Майрæмысау загъта:

– Æз ма зонын ноджыдæр иу лæг, алы æвзагæй чи зоны, уый у асийаг.

Æрбахуыдтой уый дæр.

Битарты Хъайтыхъо загъта:

– Бахъуаджы сахат æз гамхуодардзынæн, знаг мæ дзæбæх куыд нæ уына, афтæмæй йын мæхæдæг тых куыд кæнон.

Араст сты паддзахмæ. Дæлаемæ сæ Биаслантæ фæдтой æмæ сæ бафарстой:

– Кæдæм цæут?

– Паддзахы фенынмæ цæуæм, – загътой куырттатæ.

Уæд асиаг загъта куырттатæн:

– Илцийы хай уæ агурдзысты адон, фæстæмæ куы сыздæхат, уæд.

Ныххæццæ сты паддзахмæ хæстæг, афтæ йæм хъулон гæххæт ныфффыссын кодтой Азауæн (Хъарадзауæн йæ хо Азау зыдта чиныджы), мæнæ дæм æрцыдыстæм, зæгъгæ.

Рарвыста сæм паддзах дзуапп:

– Мæ фенынмæ чи æрцыди, уыдон ардæм рацæуæнт.

Ссыдысты куырттатæ паддзахмæ æмæ йæм æрфысым кодтой.

Фæцин сыл кодта паддзах тынг.

Бафарста сæ:

– Цы хуыздæр лæвар уæ хъæуы? Зæхх уæм хуыздæр кæсы, æхца, æви мæм циндзинæдтæ ис, æмæ уын уыдонæй бахай кæнон?

Куырттатæ сразы сты æхцайыл, æмæ сын байдзаг кодта цыппардзæлхыг уæрдон æмæ сын æй радта афтæ ифтыгъдæй.

Раарфæ кодтой курттатæ паддзахæн æмæ рараст сты фæстæмæ». [На обратном пути из-за неправильного перевода слов разговора между кабардинцами и куртатинцами произошла битва: Богаты Ислам убил троих. Во время битвы полил дождь, по-

рох куртатинцев промок. Цалыккаты Дзадже начал отбиваться кинжалом; на нем была защита из металла: он многих убил. Догадавшись о причине его непобедимости, противники начали стрелять в него из лука и убили его] [21, 21].

«Куртатинцы собрались в Даллагкау на тайный разговор.

Стали выносить решение и говорят:

– Отправимся к нашему уважаемому царю и узнаем, как он к нам относится. Но наша беда в том, что мы не можем прочесть письмо. За сыном Мамиаты Биде Карадзауом пошлем, сказали. Кто-нибудь бы еще из Цымыти был бы с нами, сказали, и согласился Калманов Ацамаз.

Он сказал:

– Я отправлюсь с куртатинцами.

– Именно, но не совсем так. Кто знает, вдруг нам будут мешать? Нужно определить всадников, кто из нас, что будет делать в это время? Пусть разговаривает с царем Богаты Ислам, чья речь громогласна как выстрел ружья.

Для быстроты заряжения порохом (оружия) выбрали Калманты Ацамаза. Для участия в ожесточенной битве сказали Цалыккаты Дзадже. Сторожить арбы поручили Каболовым. Из-за того, что Цалыккаты Майрамсау знал кабардинский язык, его выбрали переводчиком.

Майрамсау сказал:

– Я еще знаю одного мужчину, который знает много языков, он – балкарец.

Пригласили и его.

Битарты Кайтико сказал:

– В нужное время я буду держать шапку-невидимку, чтобы враг меня

хорошо не видел, а сам я буду его пожеждать.

Отправились они к царю. Сверху их увидели Биаслановы и спрашивают:

– Куда держите путь?

– Идем увидеть царя, – сказали куртатинцы.

Тогда балкарец сказал куртатинцам:

– У вас будут просить часть налога для прохода через ущелья они (кабардинцы) на обратном пути.

Добрались они до царя, (а до этого) они попросили Азау написать письмо (сестра Карадзауа Азау умела читать), вот, мол, мы приехали.

Послал им ответ царь:

– Пусть ко мне придут те, кто хотел меня видеть.

Пришли куртатинцы к царю и остались у него в гостях. Очень обрадовался им царь.

Спросил их:

– Что лучше вам подарить? Землю, деньги или развлечения у меня есть, которыми я могу с вами поделиться?

Куртатинцы согласились на деньги, и (царь) наполнил четырехколесную арбу (деньгами) и в запряженном виде отдал им» (подстрочный перевод наш. – Д. С., Е. Дз.).

Приводим другой вариант «Песни о куртатинцах», найденный в фондах НА СОИГСИ. Текст предположительно является отрывком перевода, принадлежащего Г. Гуриеву:

«Белую папаху Царит Хоха растрепав, падает ветер холодной струей на (груды камней, что аулами зовутся – зачеркнуто Г. Гуриевым. – Авт.) Уаласих-аул.

Ищет он ирона, заморозить хочет.
Ищет он долго и усердно, но ирона нет.
Аул, это верно, но жителей нет!
Что за беда стряслася над древним Уаласих.
Не дерзкий ли враг опустошил твердыню,
не мор ли хозяйничал свирепо или может
родовая вражда загнала всех в башни!
Не находит ветер красы аула, не находит
его оплота.

Краса аула (*джигиты, наездники лихие* – зачеркнуто Г. Гуриевым. – *Авт.*) в крытом нихасе полукругом стоит (*слушает, как оплот аула старики древние поучают его* – зачеркнуто Г. Гуриевым. – *Авт.*).

Бесконечная удаль в позах видна, а мрачные (*блеск* – зачеркнуто Г. Гуриевым. – *Авт.*) очи о думе тяжелой, необоримой говорят.

Древние старики, оплот аула, в «калатчинах» сидят, в палки уперлись и в землю глядят, знать дума тяжелая и их тревожит.

Среди «нихаса» гонец стоит, веселый он и радостно говорит.

В руках у него что-то белое, а полосы на белом черные.

Узнали славные сыны Куртата, что гонец письмо им привез.

И задумались! Кто мастер и может посмотреть, черным, что по белому расставлены стройно, прочитав и смысл послания открыть?

И сознали Куртата, что нет между ними хитреца, кто сумел бы смысл послания открыть» [22, 95].

Временем создания текста ориентировочно можно предположить первую четверть XX в. (1920-е гг.). В рассматриваемый период вплоть до 1930-х гг. господствовал буквальный способ перевода – ориентация на точ-

ное воспроизведение в переводе лингвистических особенностей языка оригинала. В особенности это касалось перевода религиозных текстов, памятников устного народного творчества. Найденная нами рукопись вполне отвечает признакам пословного отражения смысла, вероятно, раннее зафиксированного Г. Гуриевым текста песни, ныне утерянного. В попытках внесения в текст правок видится стремление Гуриева «олитературить» фольклорный текст, обрабатывая его собственными лексическими единицами.

В разное время перевод фольклорного текста имел в большей степени информативный характер, выполнял просветительскую функцию, а его художественно-эстетическая ценность уходила на второй план. Переводчики стремились сохранить языковой строй оригинала, передать на языке перевода оригинальные конструкции, «дух и колорит национального осетинского творчества» [23, 2] и таким образом дать ясное представление о стиле фольклорного текста, о характере и строе народной речи.

Систематизация теоретических подходов к переводу фольклорных источников является перспективным направлением современного перевождения. А изучение механизмов и стратегий, применяемых к переводу фольклорного текста, – актуальным, поскольку перевод фольклорного текста – не менее трудоемкий и ответственный процесс, чем литературный перевод.

Особую значимость при функционировании фольклорного текста в

иноязычной культуре играет правильная подача на переводящем языке ее смысловой и национально-культурной доминанты. С помощью перевода происходит не только знакомство с фольклорным текстом как памятником духовной культуры другого народа, но и с его менталитетом, национальными чертами и особенностями.

Некоторые исследователи относят перевод не к самостоятельному произведению, которое может функционировать отдельно от оригинала в культуре принимающей стороны, а к очередной форме вариативности исходного текста. Подход переводчика к одному и тому же фольклорному тексту при переводе зависит от назначения его в той культурной среде, для которой и был сделан перевод. Судьба же переводного текста, по мнению исследователей, зависит от его актуальности среди реципиентов, которая «может не совпадать с его судьбой в оригинальной литературе» [24, 36]. Основная задача переводчика произведения народного фольклора – определить конечную цель переводного текста: информативная или художественно-эстетическая сторона перевода является в приоритете [25].

В стремлении реализовать в переводе художественно-эстетическую функцию исходного текста переводчик проходит ряд этапов: выбор текста → предпереводческий анализ (знакомство с текстом, изучение текста, восприятие и осмысление текста, его анализ, выбор схемы и тактики перевода) → процесс перевода (интерпретация текста на языке перевода) → ввод текста в культуру другого народа.

Перевод историко-героической песни «О куртатинцах», найденный в НА СОИГСИ, дал возможность заглянуть в творческую лабораторию переводчика. Рукопись перевода отражает весь процесс воссоздания переводчиком содержания и формы текста на русском языке. Текст Гагудза Гуриева достаточно информативен – отражает определенный этап истории осетинского народа. С другой стороны, наличие в тексте изобразительно-выразительных средств приближает его к художественному произведению, оказывает определенное эстетическое воздействие на читателя. Можно предположить, что перед нами попытка создания самостоятельного произведения, не зависящего от оригинала.

Сюжет песни и в других вариантах («Песня куртатинцев», «Поэма куртатинцев», «Песня о гибели куртатинцев», «Сражение между биаслановыми и куртатинцами», «Поездка куртатинцев» и др.) отражает предысторию поездки послов-куртатинцев, возглавляемых Карадзау Мамиевым к Екатерине II. В Куртатинское ущелье было доставлено письмо от императрицы с приглашением. Но среди куртатинцев никто не смог прочесть ее письмо. Письмо-приглашение доставили в с. Нар знавшему русскую грамоту Карадзау Мамиеву. Карадзау ознакомил куртатинцев с содержанием письма. После чего по просьбе жителей ущелья он возглавил делегацию к императрице. Возглавляемое им посольство было вознаграждено Екатериной II подарками. На обратном пути на послов напали кабардинские князья. В ходе схватки с кабардинца-

ми почти вся осетинская делегация была перебита [26, 214–217].

Одним из важных критериев при переводе фольклорного текста из одной национальной культуры в другую является сохранение всех элементов структуры текста, фольклорного стиля повествования. Поэтому при дословной передаче переводчик стремится найти эквиваленты единицам перевода низкого уровня: текст → абзац → предложение → словосочетание → слово. Не на всех уровнях передачи текста автору перевода удается достичь эквивалентности. Изменения могут коснуться как содержания, так и формы произведения. Поэтическая форма может приобрести прозаические черты.

Текст ярко демонстрирует стремление Г. Гуриева представить сюжет песни, дополняя ее художественно-эстетический аспект. Данный отрывок отражает завязку песни – получение куртатицами письма. Лексический состав текста, представленный элементами образности, сближает его и с литературным произведением. Гуриев отказывается от воспроизведения средств организации стихотворной формы: у него песня приобретает прозаические черты. Отсюда следует, что при создании текста на другом языке просветитель стремился представить читателю новую для него информацию.

В фольклористическом переводе Гуриев старался сохранить национальное своеобразие текста. Введение страноведческой лексики в русскоязычный текст способствует знакомству с национальной культурой, менталитетом осетинского народа.

Этнографизмами в тексте песни являются слова: *ирон*, *калатчинта*, *Уаласих-аул*, *нихас*, *куртата*, *Царит Хох*. Как видим, к этнографизмам мы отнесли и топонимы (*Царит Хох*, *Уаласих-аул*), поскольку в данном случае они играют роль этнографических маркеров. Гуриев, следуя фольклорному принципу «сужения», дает четкую социальную характеристику героев песни: *ирон* → *куртата* → *Уаласих*. Словами *калатчинта* (резные кресла) и *нихас* (народное собрание) обозначается сакральность места описания и возникновения стратегии их дальнейших действий [27, 69–70].

Этнографические детали, встречающиеся в тексте, – слова-реалии, характеризующие предметы и явления осетинского быта (*нихас*, *калатчин*), этноним (*ирон*), топонимы (*Уаласих аул*, *Куыртат*), ороним (*Царит-хох*), – сохранены и в русскоязычном тексте в своем первоначальном написании. Ориентация на русскоязычную аудиторию обуславливает необходимость пояснения в тексте смысла незнакомых лексем. Но Гуриев не стал пояснять их значение в своем тексте, полагая, что оно доступно реципиенту. С другой стороны, замена слов-реалий словами языка принимающей культуры чревата русификацией текста и стиранием национального колорита. Там, где читателю недостаточно было фоновых знаний для овладения страноведческой информацией, задача Гуриева не сводилась к механическому переносу лексем или этнографическому пояснению в комментариях. Автор перевода прибегает к передаче исходной информации с помощью кальки-

рования («краса аула»).

Особое внимание необходимо уделить репрезентации Гуриевым средств художественной выразительности. В русскоязычный текст вводятся образные единицы, характерные для поэтических черт песни. Гуриев находит лексические элементы, свойственные осетинскому языку («белую папаху Царит-хоха растрепав», «ветер холодной струей падает на грудь камней»), а местами словесные обороты, привычные русской речи («бесконечная удаль в позах видна», «мрачные очи о думе тяжелой говорят», «дума тяжелая их тревожит»), которые способствовали обогащению текста Гуриева. Примеры громоздкого построения фраз – «Кто мастер и может посмотреть, черным, что по белому расставлены стройно, прочитав и смысл послания открыть?» [22, 95] – иллюстрируют попытки буквально передать на русском языке отдельные элементы текста.

Песни о куртатинцах представляют собой целый комплекс песен разного времени, в том числе и авторские обработки. Каждая из них повествует о славном роде потомков Курта. В современной музыкальной практике осетинская песня не функционирует: до нас дошел лишь один вариант напева, известный по публикации 1995 г. в сборнике «Осетинские героические песни» [28] под авторством С. Цагараева с названием «Песня о куртатинской молодежи» («Куырттаты комы фæсивæды зарæг»). Данный вариант позднего происхождения, о чем свидетельствует текст песни, отражающий события второй мировой войны:

*Гъæй, тох! Фыдыбæстæ сиды, гъæй!
Лæппутæ, дæлæ Германы хæстмæ, гъæй!
<...>*

*Гъæй, тох! Партийыл фæдзæхсæм, гъæй!
Ныййарджытæ 'мæ нæ сабиты, гъæй!*

[28, 109]

*Эй, тох! Родина зовет, эй!
Парни, на войну с Германией, эй!
<...>*

*Эй, тох! Поручаем партии, эй!
Наших матерей и детей, эй!*

В тексте песни раскрывается образ славной куртатинской молодежи – надежных защитников своей Родины:

*Гъæй, Хилакæй Дзывгъисмæ
Куырттаты комы нæргæ фæсивæд.
Гъæй, тох, фæдисы рацæут, гъæй!
Нæ фыдæзнаг нæм æрбалæбурдта, гъæй!
Гъй, фидар, дæ, фæдисон,
Фидар бынатæй хорз хæцынмæ, гъæй!
Фыдæлты хæс исынмæ, мæ хуртæ, гъæй!*

[28, 109]

*Эй, из Хилака в Дзывгис
Славная куртатинская молодежь.
Эй, тох, вставайте на тревогу!
Напал на нас враг, эй!
Эй, крепкий человек, отозвавшийся
на тревогу
Из крепости сражаться, эй!
Отомстить за старших, мои золотые, эй!*

В песне используются припевные слова *гъæй, тох*, которые буквально переводятся как «эй, борьба», однако в рамках историко-героических песен они не несут никакой смысловой нагрузки, и в целом являются характерными для данного жанра. Интересно отметить, что вкрапление данных припевных слов придает песне строгую форму и квадратность структуры. Так, словом *гъæй* обрамляется каждый куплет песни, тогда как сочета-

нием *гъæй*, *тох* обозначается вторая строфа каждого куплета:

*Гъæй, нæ саударджытæ,
Хъæуæй-хъæумæ хъарæг кæндзысты.
Гъæй, тох! Уæ хæстон æмбæлттæ, гъæй!
Уæ цыртмæ сау бæх æрласдзысты, гъæй!*
[28, 109]

Эй, носящие по нам траур,
Будут причитать в каждом селении.
Эй, тох! Ваши боевые друзья, эй!
К вашему гробу коня приведут, эй!

В основе поэтического текста «Песни о куртатицах» лежит нецезурированный стих неупорядоченного слогового состава – тирада, характерная, как отмечают исследователи, также и для причитаний. Размер тирады колеблется от 6 до 11 слогов, однако достаточно устойчивы показатели стиха, связанные с 12–14-ти слоговой нормой (схема 1.).

Для данной песни характерно наличие одного фразового акцента, местоположение его может быть различным. Историко-героическая песня о куртатинцах исполняется в традиционной для осетинского хорового пения манере, где смысловая часть исполняется солирующим голосом на

фоне выдержанного хорового бурдона, отстоящего на квинту или октаву вниз от опорного тона мелодии. Лад песни в целом типичен для историко-героических песен и построен на взаимодействии основной опоры (Т) и двух побочных (А1 и А2). Схема развертывания лада согласована с разделами песенной композиции, где в начальном восклицании утверждается Т, в первой тираде господствует зона А2, во второй тираде осуществляется отклонение от А1 к Т, и, наконец, в третьей тираде реализуется переход от А2 к финальной тезе (схема 2).

Диапазон мелодической линии ведущего голоса достаточно широк и развертывается в пределах ноты. Общая логика его развития связана с нисходящей ступенчатой волной, которая достигает нижнего интонационного уровня в конце строфы. В структуре песенной строфики образуются многочисленные перекрестные связи, обеспечивающие ей стилевое единство и смысловую целостность.

В целом, исследуемая нами «Песня о куртатинской молодежи» («Куыртат-

Схема 1.

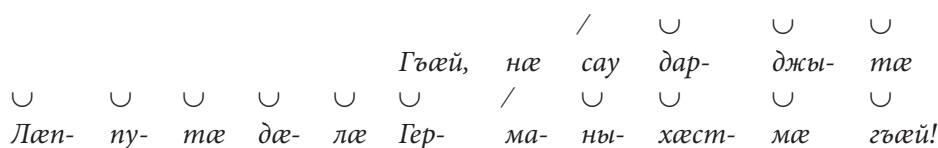
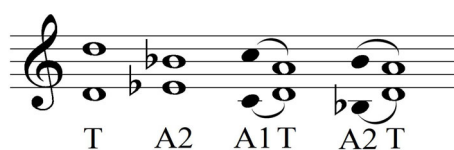

Схема 2.

ты комы фæсивæды зарæг») соответствует жанру историко-героических песен, которые тесно связаны с традиционными мужскими плачами. Как отмечают исследователи, «анализируя музыкально-поэтические особенности осетинских героических песен, приходишь к выводу, что героическая песня как форма народного творчества многими сторонами смыкается с причитаниями. Это позволяет предполагать, что они ведут начало от народных плачей и причитаний. Первоначально они были, по-видимому, мужским плачем по герою. В дальнейшем связь с причитаниями становилась все «менее отчетливой» [6, 38].

Мелодическая линия песни связана с разворачиванием преимущественно в нисходящем движении, декламационностью, короткой фразировкой, прерывистым дыханием и другими особенностями, свидетельствующими о том, что плачевое начало является ведущим качеством данного жанра.

Генетическая связь песни о куртатинцах с плачами прослеживается на различных уровнях песенной системы: в поэтических мотивах, в тирадности как основном принципе структурной организации и интонационном содержании.

Изучив текст в интерпретации Г. Гуриева, мы определили, что основной целью просветителя было знакомство читателя с новой информацией, ввод незнакомого текста в культурное пространство России, демонстрация на русском языке национальных особенностей и художественного своеобразия текста. Дословный перевод обусловлен спецификой текста и принципом в подходе к его передаче на другом языке. Введение текста перевода осетинской героической песни о куртатинцах, обнаруженного в фондах НА СОИГСИ, характеризует деятельность известного осетинского просветителя Г. Гуриева, пополняет ряд уже известных вариантов.

Примечание:

1. Благодарим за содействие в нахождении текстов песен И.М. Мирикову и М.М. Гуриеву.

1. Берберов Б.А. Карачаево-балкарская песня: внутрижанровые разновидности и поэтика // KAVKAZ-FORUM. 2022. №12(19). С. 19–33.

2. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. 1. С. 66–112.

3. Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе: Ир, 1973. 257 с.

4. Бекоев В.И. О жанровой природе историко-героических песен осетин // Культурная жизнь Юга России. 2008. №4(29). С. 99–102.

5. Цхурбаева К.Г. Некоторые особенности осетинской народной музыки. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 77 с.
6. Цхурбаева К.Г. Об осетинских героических песнях. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 199 с.
7. Алборов Ф.Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2004. 192 с.
8. Шифнер А.А. Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым. М., 2021. 106 с.
9. Миллер Вс.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 713 с.
10. Пфаф В. Обычное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1871. Т. 1. С. 177–220.
11. Пфаф В. Обычное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1872. Т. 2. С. 258–336.
12. Шанаев Г. Из осетинских сказаний о Нартах // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX. Отд. 2. С. 4–47.
13. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (НА СОИГСИ). Ф. Г. Дзагурова.
14. Осетинские народные сказки / Сост. Г.А. Дзагуров. М.: Наука, 1973. 598 с.
15. Гутов А.М., Паиштова (Мижяева) М.М. К проблеме перевода адыгского фольклорного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. С. 66–70.
16. Захаркина В.В. Фольклор и народная культура России в глобальном информационном пространстве // Труды XI Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2008) (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2008 г.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 54–55.
17. Дзапарова Е.Б., Сокаева Д.В. Особенности передачи этнокультурной специфики фольклорного текста (на материале перевода сказочной прозы осетин) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 3 (25). С. 164–172.
18. Сагалаев К. А. Комплексный подход к публикации фольклора: опыт издания томов «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 18–26.
19. Марзоев И.Т. Из истории научной интеллигенции Осетии: Гагудз Гуриев // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 26(65). С. 41–51.
20. Дзапарова Е.Б. Переводческая деятельность просветителя Гагудза Гуриева // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. № 6. С. 187–197.
21. Слова из песни о куртатинцах // НА СОИГСИ. Ф. 45(1). П. 21. Л. 21. Исп. С. Гутнов в 1926 г., зап. Г. Гуриев.
22. Песня о куртатинцах // НА СОИГСИ. Ф. Гагудза Гуриева. Оп. 1. Д. 2.
23. Дзагуров Г. Предисловие // Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Владикавказ, 1925. Вып. 1. С. 1–2.

24. Демидова О. Вариативность в переводе // Annual conference of the Centre of Excellence in Estonian Studies and annual 61st Kreutzwald Days conference Variation in language, literature, folklore, and music (December 7–8, 2017). Estonia: ELM Scholarly Press, Tartu, 2017. P. 36.

25. Голубева-Монаткина Н.И. К проблеме фольклористического перевода // Русистика без границ. 2017. №1. С.123–131.

26. Блиев М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752: присоединение Осетии к России. Владикавказ: Изд.-полигр. предприятие им. В. Гассиева, 2010. 234 с.

27. Сокаева Д.В. «Актуальный перевод» фольклорного текста как этнографический источник // Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (Пятигорск, 08–12 октября 2007 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2007. С. 69–70.

28. Осетинские героические песни / Сост. Ф. Суанов, Л. Цомаева. Владикавказ: Ир, 1995. 68 с.

Sokaeva, Diana V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); socdial@yandex.ru

Dzaparova, Elizaveta B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); l-dzaparova@mail.ru

Dzlieva, Dzerassa M. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gegusa@gmail.com

OSSETIAN HISTORICAL AND HEROIC SONG ABOUT KURTATIANS: GENESIS, TRANSLATION, PERFORMANCE.

Keywords: Ossetian folklore, Gagudz Guriev, historical and heroic song, “Song of the Kurtatins”, version, translation.

The folklore of any nation is a complex system of oral verbal creativity that interacts with other systems of spiritual life, such as literature, social and political life of society, etc. A work of folklore can be incorporated into the process of life / living of the people naturally, it can be introduced for wide use through the written word (literature, media, scientific collections of folklore texts) and stage performance. The purpose of the study is to characterize the variants of the heroic song about the Kurtatins recorded by G. Guriev; identify the main translation principles and strategies that a translator can resort to in the course of working on the translation of a folklore text. For the first time, textual search work was carried out in the Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V.I. IN AND. Abaeva (SOIGSI), variants of the text of the analyzed song are found, the text of the song is considered in detail at the structural and content level. Any text of Ossetian folklore replenishes the Indo-European fund of plots, motifs, archetypes. The heroic song is a genre of Ossetian folklore, which is responsible not only for the

transmission of certain information, but also denotes the importance of the events described, glorifies heroes through the ages. Speaking about the entry of the folklore text into the culture as a whole, we have noticed that at present the "Song of the Kurtatins" (at least in some version) is not performed by amateur or professional folklore groups. In our further searches in the course of expeditionary work, we set ourselves the task of finding out whether it exists in the actual folklore environment. The study can be used to compile an index of the Folklore Fund at SOIGSI named after IN AND. Abaev and other scientific and humanitarian purposes.

For citation: Sokaeva, D.V., Dzaparova, E.B., Dзлиева, D.M. Ossetian historical and heroic song about Kurtatians: genesis, translation, performance // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 47(86). Pp. 99-113 (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001

References

1. Berberov, B.A. *Karachaevo-balkarskaya pesnya: vnutrizhanrovyie raznovidnosti i poetika* [Karachay-Balkar song: intra-genre varieties and poetics]. *KAVKAZ-FORUM* [KAVKAZ-FORUM]. 2022, no. 12(19). pp. 19–33.
2. Kokiev, S.V. *Zapiski o byte osetin* [Notes on the life of Ossetians]. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee* [Collection of materials on ethnography, published at the Dashkovo Ethnographic Museum]. Moscow, 1885, iss.I, pp. 66–112.
3. Khamitsaeva, T.A. *Istoriko-pesennyi fol'klor osetin* [Historical and song folklore of Ossetians]. Ordzhonikidze, Ir, 1973. 257 p.
4. Bekoev, V.I. *O zhanrovoi prirode istoriko-geroicheskikh pesen osetin* [On the genre nature of historical and heroic songs of Ossetians]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2008, no. 4(29), pp. 99–102.
5. Tskhurbaeva, K.G. *Nekotorye osobennosti osetinskoj narodnoj muzyki* [Some features of Ossetian folk music]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 77 p.
6. Tskhurbaeva, K.G. *Ob osetinskikh geroicheskikh pesnyakh* [About Ossetian heroic songs]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 199 p.
7. Alborov, F.Sh. *Muzykal'naya kul'tura osetin* [Musical culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2004. 192 p.
8. Shifner, A.A. *Osetinskie teksty, sobrannye D. Chonkadze i V. Tsoraevym* [Ossetian texts collected by D. Chonkadze and V. Tsoraev]. Moscow, 2021. 106 p.
9. Miller, Vs.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1992. 713 p.
10. Pfaf, V. *Obychnoe pravo osetin* [Customary law of Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. Tiflis. 1871, vol. I, pp. 177–220.
11. Pfaf, V. *Obychnoe pravo osetin* [Customary law of Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. Tiflis. 1872, vol.II, pp. 258–336.

12. Shanaev, G. *Iz osetinskikh skazanii o Nartakh* [From the Ossetian legends about the Narts]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. 1876, iss. IX, dep.2, pp. 4–47.

13. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniim. V.I. Abaeva VNTs RAN (NA SOIGSI)* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund G. Dzagurova.

14. Dzagurov, G.A. (comp.). *Osetinskie narodnye skazki* [Ossetian folk tales]. Moscow, Nauka, 1973. 598 p.

15. Gutov, A.M., Pashtova (Mizhaeva), M.M. *K probleme perevoda adygsogo fol'klornogo teksta* [To the problem of translation of the Adyghe folklore text]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University]. Ser. 2: *Filologiya i iskusstvovedenie* [Series 2. Philology and art criticism]. 2012, no. 2, pp. 66–70.

16. Zakharkina, V.V. *Fol'klor i narodnaya kul'tura Rossii v global'nom informatsionnom prostranstve* [Folklore and folk culture of Russia in the global information space]. *Trudy XI Vserossiiskoi ob'edinennoi konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo» (IMS-2008) (Sankt-Peterburg, 28–30 oktyabrya 2008 g.)* [Proceedings of the XI All-Russian United Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2008) (St. Petersburg, October 28–30, 2008)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2008, pp. 54–55.

17. Dzaparova, E.B., Sokaeva, D.V. *Osobennosti peredachi etnokul'turnoi spetsifiki fol'klornogo teksta (na materiale perevoda skazochnoi prozy osetin)* [Peculiarities of Transmission of the Ethno-Cultural Specificity of the Folklore Text (Based on the Translation of Ossetian Fairytale Prose)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniim RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences]. 2016, vol. 9, no. 3 (25), pp. 164–172.

18. Sagalaev, K.A. *Kompleksnyi podkhod k publikatsii fol'klora: opyt izdaniya tomov «Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka»* [An integrated approach to the publication of folklore: the experience of publishing volumes “Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017, no. 4, pp. 18–26.

19. Marzoev, I.T. *Iz istorii nauchnoi intelligentsii Osetii: Gagudz Guriev* [From the history of the scientific intelligentsia of Ossetia: Gagudz Guriev]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 26(65), pp. 41–51.

20. Dzaparova, E.B. *Perevodcheskaya deyatel'nost' prosvetatelya Gagudza Gurieva* [Translation activities of the educator Gagudza Guriev]. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Miller Readings]. 2018, no. 6, pp. 187–197.

21. *Slova iz pesni o kurtatintsakh* [Words from a song about the Kurtatins]. NA SOIGSI [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund no. 45 (1). Folder. 21. Sheet. 21. Executor S. Gutnov in 1926, wrote down G. Guriev.

22. *Pesnya o kurtatintsakh* [Song about kurtatins]. NA SOIGSI [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund Gagudza Gurieva. Inventory 1. Case 2.

23. Dzagurov, G. *Predislovie* [Foreword]. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. Nartovskie narodnye skazaniya* [Monuments of folk art of Ossetians. Nart folk tales]. Iss.I. Vladikavkaz, 1925, pp. 1–2.

24. Demidova, O. *Variativnost' v perevode* [Variation in translation]. *Annual conference of the Centre of Excellence in Estonian Studies and annual 61st Kreutzwald Days conference Variation in language, literature, folklore, and music (December 7–8, 2017)* [Annual conference of the Center of Excellence in Estonian Studies and annual 61st Kreutzwald Days conference Variation in language, literature, folklore, and music (December 7–8, 2017)]. Estonia, ELM Scholarly Press, Tartu, 2017, p. 36.

25. Golubeva-Monatkina, N.I. *K probleme fol'kloristicheskogo perevoda* [On the problem of folklore translation]. *Rusistika bez granits* [Russian Studies without Borders]. 2017, no.1, pp. 123–131.

26. Blied, M. *Osetinskoe posol'stvo v Peterburge 1749-1752: prisoedinenie Osetii k Rossii* [Ossetian embassy in St. Petersburg 1749-1752: joining Ossetia to Russia]. Vladikavkaz, Izd.-poligr. predpriyatie im. V. Gassieva, 2010. 234 p.

27. Sokaeva, D.V. «Aktual'nyi perevod» fol'klornogo teksta kak etnograficheskii istochnik [“Actual translation” of the folklore text as an ethnographic source]. *Materialy V Mezhdunarodnogo kongressa «Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu» (Pyatigorsk, 08–12 oktyabrya 2007 g.)* [Proceedings of the V International Congress “Peace in the North Caucasus through languages, education, culture” (Pyatigorsk, October 08-12, 2007)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University, 2007, pp. 69–70.

28. Suanov, F., Tsomaeva, L. (comps.) *Osetinskie geroicheskie pesni* [Ossetian heroic songs]. Vladikavkaz, Ir, 1995. 68 p.